

Евреи в политической ссылке на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Касанов Антон Сергеевич

кандидат исторических наук. Россия, г. Киров. E-mail: kasanv@rambler.ru

Аннотация. Несмотря на то, что тема вятской политической ссылки в дореволюционной России длительное время была в фокусе внимания историков, по сей день в историографии остаются определенные белые пятна. Существует значительное количество исследований, посвященных католикам, выходцам из Польши, оказавшимся в Вятской губернии после подавления восстаний в начале 30-х и 60-х гг. XIX в. В то же время по ряду политических и идеологических причин история ссылки российских евреев в различные регионы России долгое время оставалась неизученной. Формирование еврейской общины Вятской губернии до сих пор не стало предметом отдельного исследования. Целью статьи является изучение разных аспектов политической ссылки евреев Российской Империи на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. Задачами исследования стали подсчет количества ссыльных, изучение географии их происхождения, отношения с административным и полицейским аппаратом губернской администрации, распределение по территории Вятско-Камского региона, адаптация к условиям жизни среди населения Вятской губернии, политическая и общественная деятельность в условиях репрессий и так далее. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Кировской области. В завершении статьи делается вывод о том, что ссылка евреев в регион носила массовый характер, большинство из них были направлены в конкретные географические точки губернии (Орловский и Малмыжский уезды), ссыльные оказывали сопротивление репрессивной системе в виде побегов, сохраняя преданность вере и политическим убеждениям.

Ключевые слова: евреи, политическая ссылка, черта оседлости, Вятская губерния, политические репрессии, Эстер Гольде, Федор Дан (Гурвич).

В региональной историографии пока не появилось отдельных исследований, посвященных ссылке евреев в Вятскую губернию в конце XIX – начале XX вв. Лишь краевед А. Л. Рашковский в статье, посвященной истории еврейской общины в Вятке, упоминает, что «революция 1905–1907 гг. способствовала высылке в Вятскую губернию многих людей, причастных к революционным событиям, среди них также было много евреев» [4, с. 624]. Рашковский выделяет лидера меньшевиков Федора Дана (Гурвича), который в рассматриваемый период находился в ссылке в Орловском уезде. Краевед Т. К. Николаева, рассказывая про семью жившего в Вятке дантиста Дона Аронсона, упоминает, что у него дома в начале XX в. собирались ссыльные евреи [1, с. 173]. Изучение документов Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО) дало возможность впервые подробно исследовать тему пребывания евреев в вятской ссылке, изучить их социальный статус, географию происхождения и проживания, отношения с представителями органов власти, местным населением.

Вятская земля длительный период была центром политической ссылки. Особенно интенсивно это происходило на рубеже XIX–XX вв. В 1897–1905 гг. в Вятско-Камский регион выслали 427 человек: 376 мужчин и 51 женщину [2, с. 77]. После небольшого перерыва пика этот процесс достиг в 1907 г., когда, по подсчетам историка П. Н. Луппова, в Вятскую губернию из различных регионов России прибыло 3448 политических активистов [2, с. 132]. Такое большое число ссыльных объяснялось тем, что репрессивные механизмы во многом стали опираться на пункт 17 статьи 19 положения о местностях, состоящих на военном положении. Этот пункт давал возможность генерал-губернаторам высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением об этом министерства внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора. Таким образом, удалить из региона можно было теперь абсолютно любого человека.

В 1907 г. в целях борьбы с революционным движением военное положение было объявлено в Привислинском крае, Прибалтийском, в трех кавказских губерниях и областях, в Одесском градоначальстве, Ростове-на-Дону, Харькове, Кременчуге, Белостоке. Из этих мест-

ностей и хлынул в Вятскую губернию поток политических ссыльных, среди них много было и евреев. По документам фондов канцелярии вятского губернатора (ф. 582), губернского (714) и городского (721) жандармских управлений Центрального государственного архива Кировской области нам удалось установить 63 фамилии евреев, высланных в разные уезды Вятской губернии в 1907 г. Всего за период с 1897 по 1908 гг. мы составили список из 100 евреев, прошедших через вятскую ссылку. Ее сроки в этот период чаще всего составляли два или три года.

География происхождения евреев, оказавшихся в вятской ссылке, весьма обширна. Можно выделить несколько территорий, из которых они были высланы в Вятскую губернию. Во-первых, это Царство Польское, чьи земли в составе Российской империи были объединены в Привислинский край. Сосланы в Вятку оказались и жители крупных городов (Варшава, Радом, Калиш, Вильно, Белосток, Остров, Плоцк), и обитатели маленьких еврейских местечек. Так, в Вятской губернии появились уроженцы местечка Тауроген Ковенской губернии Меер Рабинович, Юдель и Айзик Ширезоны, из местечка Долгиново Виленской губернии прибыли Мовша и Иосель Рубины, Хаим-Давид Шварцбард приехал из деревни Воля Варшавского уезда. Также к этому направлению ссылки относятся и высланные в годы Первой русской революции жители Минской и Витебской губерний.

Второе направление можно условно назвать «Южным». В 1907 г. семь человек «за политическую неблагонадежность» были сосланы в Вятскую губернию из Одессы и Одесской губернии. Иосель Волфзон, Мойша Кройн, Хана Штромберг, Михаил Коган, Рувин Фрайденберг, Сура-Ривка Ривеликс, Самуил Штомберг отправились в разные уезды: Вятский, Котельничский, Уржумский, Глазовский, Нолинский, Яранский. Причем только двоим (Ривеликс, Фрайденберг) из одесских ссыльных разрешили жить вместе в населенном пункте – селе Кайгородском Котельничского уезда. В это же время с юга России высылаются Хаим Санкевич из г. Ставрополя, Моисей Идельсон из г. Ростова-на-Дону, Евсей Геккер из г. Мариуполя, Моисей Федер-Меер из г. Николаева.

В годы Первой русской революции нам не удалось обнаружить ни одного еврейского ссыльного, который был бы отправлен в Вятскую губернию из Москвы или Санкт-Петербурга. Однако на рубеже XIX–XX вв. несколько евреев из столиц все-таки были высланы в Вятку. Так, в уездный город Слободской в 1899 г. на четыре года был сослан мещанин из г. Санкт-Петербурга Шлем Блох. В это же время жители г. Подольска Московской губернии Хаим-Берг и Давид Занцы оказались в Котельничском уезде. Однако примечательно то, что братья Занцы сосланы были не по политическим мотивам, а из-за постоянных нарушений закона. Оба они являлись рецидивистами, неоднократно судимыми за кражи. О своем тяжелом положении в вятской глубинке Занцы много раз писали губернатору, требуя от него денежного пособия, одежды и обуви. В итоге Давид Занц в марте 1899 г. из ссылки сбежал, а в декабре, после возвращения в Котельничский уезд, поступил на военную службу в распоряжение Котельничского воинского начальника [7, л. 31].

В Вятской губернии ссыльные отправлялись в основном в Орловский и Малмыжский уезды, где только в 1907 г. оказалось два десятка евреев. Причем в уездных городах их не оставляли, назначая местом для проживания села и деревни. За период с 1897 по 1907 гг. удалось установить 31 ссыльного, отправленного в разные населенные пункты Орловского уезда, 20 этапировали в Малмыжский. Немногочисленные еврейские ссыльные жили в Глазовском, Котельничском, Слободском, Нолинском уездах. Все они время от времени по разным вопросам приезжали в Вятку, но сама колония ссыльных в губернском центре была невелика. Лишь в 1907 г. сюда были сосланы 9 человек из Виленской и Ковенской губерний, еще один еврей (Иосель Волфзон) в 1905 г. был отправлен на территорию Вятского уезда.

Жизнь в деревнях и селах не устраивала еврейских ссыльных, многие из которых были людьми хорошо образованными, желали заниматься различными видами бизнеса или работать по своему ремеслу, но в сельской местности сделать это было невозможно. Поэтому почти каждый ссыльный писал Прощения на имя вятского губернатора с просьбой переменить место жительства на уездный или губернский город. В этих документах встречаются разные аргументы, почему нужно принять такое решение.

Во-первых, это невозможность работать в месте ссылки. Даже при наличии и необходимых умений, и желания сделать это было очень непросто по совокупности разных причин. Так, ссыльный Абель Рудашевский в 1899 г. писал губернатору, что хотел бы заниматься ремонтом сапог в Котельниче, но у него ничего не получается. В частности, он указывал: «...В Котельниче нет кожевенных заводов, вырабатывающих готовые кожи для обуви, и местные

мастера-сапожники добывают все необходимые материалы в Вятке и даже из более отдаленных крупных центров. В силу этого материал стоит им несравненно дешевле. Я не могу того делать, так как на каждую поездку в Вятку должен испрашивать разрешения Господина Губернатора, что с временем на ответ требует срока до двух месяцев. Поручать на комиссию покупку необходимых материалов Котельничским сапожникам я не могу уже потому, что они отказываются от такой комиссии, не желая своими услугами создавать себе лишнего конкурента. Покупать же в Котельниче кожу и прочие материалы у Котельничских торговцев стоит настолько дорого, что работать становится невозможно... Наконец, в качестве простого вольнонаемного рабочего к местным мастерам я не могу поступить при всем моем желании, ввиду того, что последние относятся с боязнью ко мне, как к политическому ссыльному...» [9, л. 31–32]. Рудашевский просил перевести его в слободу Кукарку или в Вятку, но губернатор Николай Клингенберг не разрешал. При подобных условиях многие ссыльные евреи жили, голодая и прося милостыню, ходатайствовали к губернским властям о денежном пособии, но им часто отказывали по формальным причинам.

Еще один аргумент в Прошениях о смене места ссылки на Вятку это религиозный фактор. Ссылный из Одессы Риввин Фрейденберг в августе 1905 г. писал губернатору: «Прошу распоряжения о назначении мне места жительства в том городе, где проживают евреи, ввиду того, что я человек преклонных лет 60, иудейского исповедания и не могу исполнять должность своей религии в христианской семье» [11, л. 5]. Но в итоге Фрейденбергу разрешили жить лишь в селе Кайгородском Орловского уезда. В начале XX в. еврейские молельные дома действовали в губернии только в Вятке и Сарапуле, в других городах диаспора была малочисленна, и ее представителям допускалось время от времени проводить молебны на частных квартирах. В губернском центре по данным Вятского губернского правления за 1902 г. проживало 66 евреев с семьями, в Сарапуле – 25 [22, л. 13–26, 45–52 об.]. Таким образом, только здесь ссыльные могли посетить религиозные мероприятия.

Но губернская администрация чаще всего отказывала даже не только в переезде, но и в простом посещении Вятки или Сарапула в праздничный день. Например, ссылный Лейба-Бер Ляутерштейн в марте 1907 г. писал губернатору: «Прошу о перемене моего жительства из села Березова в город Вятку, по невозможности в губернский город в Орлов, и, в крайнем случае, прошу хотя бы дать мне отпуск на время наступающего праздника Еврейской пасхи для празднования среди единоверцев-иудеев в городе Вятке» [13, л. 6]. Однако начальник губернии не разрешил Ляутерштейну поехать на молебен.

Наконец, еще одна причина, по которой ссыльные евреи стремились в Вятку, касалась слабого развития медицинского обслуживания в уездах губернии. Многие болезни удавалось вылечить только в Вятке, но для поездки туда нужно было получить соответствующее разрешение губернатора. В качестве примера можно привести историю 23-летнего Шмуля Киршебаума – ссыльного из города Радома Привислинского края. В село Верходворье Орловского уезда Киршебаум прибыл после нахождения в тюрьме города Сандомира и ссылки в Олонецкой губернии. Вследствие этого у него появилось офтальмологическое заболевание. После того, как Киршебаум подал Прошение губернатору, ссыльному разрешили поехать в Вятку только на три дня. Однако за это время решить проблемы со здоровьем не удалось, он приезжал в губернский город в июне и августе 1907 г., но стало очевидно, что требуется дальнейшее лечение. После долгой переписки Киршебауму лишь осенью следующего года было дозволено уехать лечиться на территорию Австро-Венгрии. Все это время над ним вели негласное наблюдение. В то же время проживавшей в Орловском уезде ссыльной Идель Штернбок поехать лечиться в Вятку не разрешили, хотя она указывала губернатору, что после этапирования из Самарской тюрьмы «страдает сильной болезнью головы и груди» [15, л. 3].

Почти все ссыльные дожидались перевода на место поселения в Вятском тюремном замке. Условия содержания там оставляли желать лучшего, поэтому узники отправляли прошения губернатору с просьбами не держать их долго в тюрьме, и если нет транспорта, разрешить за свой счет уехать в выбранное им место проживания. Так, Цивилия Гурвич писала губернатору С. Д. Горчакову: «Принимая во внимание, что я выслана Варшавским Господином Губернатором на Ваше распоряжение, чтобы поселить меня в одном из уездов губернии, а не чтобы содержать в тюрьме... Я уже девятый день жду высылки и никакого ответа нет, мое настоящее заключение ничем не основано и, наконец, я уже заявляла Вашему сиятельству, что каждый лишний день заключения плохо сказывается на моем здоровье. Ввиду этого я требую немедленной высылки в назначенный мне уезд. При чем прошу, чтобы мне разрешили

поехать туда на свои деньги» [18, л. 7, 7 об.]. В вятскую тюрьму Гурвич этапирована к 8 марта, Прощение на имя губернатора она подала 16, а в место ссылки, село Березовское Орловского уезда, прибыла 30 марта.

Ссылные евреи прибывали в Вятскую губернию как по отдельности, так и целыми партиями вместе со ссылными жителями Привислинского края католического вероисповедания, горцами с Кавказа и «политически неблагонадежными» активистами из разных регионов России. Большинство из ссылных были довольно молодыми людьми, никогда до этого не состояли под судом, по сословной принадлежности являлись мещанами или рабочими. Некоторых ссылали парой, поэтому важно было оставаться вместе в то время, когда местная администрация наоборот часто пыталась расселить их по разным населенным пунктам. Ссылный Элиаш Розенбаум в феврале 1907 г. в Прощении на имя губернатора писал: «Сим имеем просить Ваше Высокоблагородие про ласковое выслушание нашей просьбы... Со мной вместе из г. Варшавы едет моя любезница Мания Лихтенштейн, я нижеподписанный осмеливаюсь просить про разрешение жить нам в Вятской губернии вместе, ибо в противном случае у нее как у женщины появится невозможность жить самой в неизвестном крае и условиях...» [16, л. 3, 3 об.]. К сожалению, в архивном деле не сохранились документы, которые бы пояснили, разрешено ли было двум влюбленным жить вместе. В другом случае все в том же 1907 г. в Вятке оказались отец и два его сына. 45-летнего мещанина из местечка Долгиново Виленской губернии Мовшу Рубина сослали в губернский центр вместе с 19-летним сыном Иоселем. Здесь же в скором времени появился еще один сын Мовши – Гирш, который приехал на свидание к родственникам и попал под негласное наблюдение со стороны полиции. Ее сотрудники смогли установить место сбора всей семьи – дом Семакова на Копанской улице [25, л. 5].

Судьба ссылных в Вятке полностью зависела от воли губернатора и местных чиновников. По прибытии в регион евреи подписывали специальную бумагу, в которой соглашались с порядком обращений к должностным лицам – писать можно было только на имя уездного исправника и губернатора, обратиться напрямую к министру внутренних дел, членам Дома Романовых или кому-то из высокопоставленных чиновников не представлялось возможным. Важнейшим звеном бюрократической машины был уездный исправник и сотрудники его аппарата. Именно эти люди решали все вопросы на местах, давали характеристики на ссылных, которые влияли, в частности, на их перевод в уездный или губернский город, поездку с целью лечения или бизнеса, а также на выделение денежного пособия.

В документах канцелярии губернатора встречаются дела о конфликтах ссылных и уездных чиновников. Так, в августе 1899 г. высланный в Котельнич из Виленского уезда Абель Рудашевский направил губернатору жалобу на хамское отношение со стороны помощника исправника. Рудашевский писал: «26-го августа сего 1899 года вызванный господином помощником Исправника в Котельничское полицейское управление по касающемуся до меня делу, я подвергся с его стороны грубому обращению на «ты». На просьбу мою заменить слово «ты» словом «вы» Господин помощник исправника ответил мне, что я не дворянин. Глубоко сомневаюсь, что право на вежливое обращение принадлежит только одним дворянам, так как по всей России лица, поставленные в служебной иерархии несравненно выше, чем представители уездной полиции, всегда и ко всем политическим обращаются на «Вы». Ввиду этого имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства представителям Котельничской полиции о соблюдении самой элементарной вежливости по отношению ко мне» [9, л. 25].

Жаловались ссылные евреи и на недопустимое к ним отношение со стороны уездной полиции. В 1899 г. высланный из Санкт-Петербурга в Слободской Шлем Блох написал губернатору, что над ним издевается полицейский надзиратель. Не получая никакой финансовой поддержки, Блох вынужден влачить жалкое существование, не имея даже денег на аренду комнаты. Когда холодным октябрьским вечером ссылный вместе с тремя товарищами пришел в полицию и попросился там переночевать, надзиратель Люминарский ответил ему, что «здесь не ночлежный дом», и попытался выгнать Шлема. Тот пояснил, что идти некуда, тогда надзиратель приказал полицейским силой удалить ссылных. После небольшой потасовки Блох отправился на квартиру к уездному исправнику и с помощью его вмешательства ссылным разрешили переночевать в полиции. По этому делу было проведено дознание, из которого выяснилось, что многие ссылные в Слободском за неимением денег на аренду жилья действительно ночевали в полиции, при этом часто находясь в состоянии алкогольного опьянения. Люминарский указал, что Блох вел себя дерзко, ругался матом, обращался к полицейскому на «ты», хамил и пытался устраивать потасовки.

Непростые отношения существовали и среди ссыльных. Так, по версии полицейских причиной конфликта стало то, что надзиратель отказался «по горячим следам» ночью расследовать дело о краже ссыльным Линдбергом денег у Шлема Блоха. Люминарский не хотел расследовать это дело, поэтому Блох начал кричать «Экая ты важная птица! Надел малину и думаешь, что ты чиновник!» [10, л. 8]. После этого началась ругань и потасовка. В итоге «квартирный вопрос» для Шлема Блоха и его товарищей так и не был решен, более того, жалобу самого ссыльного признали необоснованной, Блох был привлечен к ответственности за оскорбление полицейского надзирателя.

Серьезной проблемой являлось плохое материальное положение ссыльных евреев, большинство из которых были представителями непривилегированных сословий (мещане, крестьяне, рабочие) и не имели финансовых ресурсов годами существовать без работы в уездах Вятской губернии. Ссыльные ранее жили в городах, попав же в сельскую местность, им было трудно найти хоть какую-то работу, особенно в зимний период. Оставалась надежда на скромное по размерам казенное пособие (1 руб. 50 коп., с августа 1907 г. – 3 руб.), получить его также было не просто из-за сложности бюрократических процедур.

Многие ссыльные голодали, вынуждены были побираться, о своем тяжелом положении они писали и публично в газеты, и частным порядком на имя губернатора. В фонде его канцелярии сохранились такие обращения, которые дают понимание о степени отчаяния многих ссыльных евреев. Так, Лейба-Бер Ляутерштейн сообщал чиновнику: «Попав под надзор полиции в глухую местность Орловского уезда, в Березовскую волость, я нахожусь в крайне безысходном положении ввиду отсутствия в этой местности заработков и неимении при сем денег, на присылку которых из дома я не могу рассчитывать, так как оставил там мать, жену и пятеро маленьких детей...» [13, л. 4]. Другой ссыльный из этого же уезда обращал внимание на то, что он «не способен к крестьянской работе и с самого малолетства проживал в городе, работал в ресторане официантом, а в месте водворения моего не представляется возможным найти себе пропитания...» [18, л. 18]. При этом были и те, кто организовал себе небольшое коммерческое дело. Например, Меер Рабинович, проживая в Вятке, занимался продажей бритв и зарабатывал менее 8 рублей в месяц. Но сумма это была небольшая, поэтому Рабиновичу все равно пришлось обратиться с просьбой назначить ему пособие.

Побеги с места ссылки в начале XX в. стали для ссыльных евреев обыденным явлением. На 1 января 1908 г. из 2562 ссыльных губернии в бегах оказалось 775 лиц (34 % от общего количества ссыльных) [2, с. 132]. Если они отлучались с места проживания, то начинался розыск, который чаще всего приводил к поимке сбежавшего. Искали в соседних губерниях и на родине беглеца. Существовали и те, кто сбежал несколько раз и вполне успешно. Так, варшавский мещанин Литман Энгель был сослан в село Верхошижемье 4 марта 1907 г., но 1 апреля сбежал и скрывался до 4 июня. Энгеля нашли в Варшаве, вернули в Орловский уезд, но 5 августа он снова сбежал, и на этот раз его искали почти год [12, л. 10]. Литман никак не мог смириться со ссылкой и в тот небольшой временной период, когда он еще находился в Верхошижемье, нарушил запрет на прямое обращение к членам царской семьи и написал письмо императрице Александре Федоровне с просьбой амнистировать и вернуть его в Варшаву.

Иногда поимке ссыльных мешало их большое число, путаница с именами и документами. Например, весной 1907 г. в Вятскую губернию сослали Илью Сейделя и Езекиля Сейделя. Одного отправили в Глазовский уезд, другого – в Нолинский. Илья Сейдель сбежал уже через неделю после нахождения в ссылке, но поймать его не удавалось, так как долгое время разного уровня чиновники не могли разобраться, кто же сбежал – Илья или Езекиль. Выяснению личностей ссыльных и обстоятельств побега одного из них посвящена обширная переписка. В иных случаях ссыльные сами пытались запутать полицию и придумывали себе новые имена. Так, высланный в село Верходворье мещанин из Варшавы Йосек Боймель после побега выдавал себя за некоего Иосифа Козловского. Когда его задержали в Челябинске, то обнаружили, что «приметами и фотографической карточкой это не он, а другое лицо» [14, л. 5]. Боймель был этапирован в Орловский тюремный замок, а потом отправлен в новую ссылку – в Оренбург.

Фотокарточки и подробные описания внешности беглецов помогали полиции их искать. Указывались в документах и особые приметы, например, 17-летний ссыльный из Ростова-на-Дону Моисей Идельсон имел на обеих руках татуировки с изображением якоря [19, л. 120]. Он отличился тем, что бежал с места ссылки в Малмыжском уезде четыре раза. Резонансной была история 19-летнего ученика аптекаря из г. Двинска Давида Рапопорта, который в 1907 г. сбежал из тюремного замка г. Малмыжа и оказал сопротивление сотрудникам

полицей. Рапопорт был избит, получив удар обнаженной шашкой по спине, после задержания его отправили в больницу. Дело о побеге рассматривалось Казанским военно-полевым судом, в начале июля 1908 г. Рапопорт был оправдан «по недосказанности обвинения в учинении этого деяния» [21, л. 61].

Конкретные причины, по которым евреев ссылали в Вятскую губернию, установить не всегда представляется возможным. Чаще всего в документах встречаются одни и те же формулировки: «ввиду его вредной для общественного порядка и спокойствия деятельности» или «обвиняемый в принадлежности к преступным организациям и революционной деятельности». В числе причин ссылки в документах также называются: подстрекательство к аграрным беспорядкам, принадлежность к революционным организациям, сношения с революционерами и так далее. Наказывали ссылкой и участников рабочего движения. Так, в 1907 г. восемь рабочих кружевной фабрики еврейского вероисповедания из г. Калиша высланы в Малмыжский уезд. Самому молодому из них (Моисею Глядштейну) было всего 18 лет, самому возрастному (Гершу Элиашевичу) – 42 [20, л. 40, 58].

Большинство ссыльных в изгнании не занимались ничем крамольным и концентрировались на выживании. Однако некоторые продолжали и в вятской глубинке свою революционную деятельность. Так, в 1908 г. сосланный в деревню Верхняя Толмачевщина уроженец Келецкой губернии Абрам Струж был обвинен в распространении нелегальной литературы. В Орловском уезде Струж жил вместе с другим ссыльным Францом Бонке. 24 марта тот по своим делам поехал в Орлов, а зайдя в чайную, встретил некоего человека, который предложил взять почитать несколько книг. Эти печатные издания Бонке привез в свой дом. Во время следствия Абрам Струж подтвердил, что видел те самые книги, но какого они содержания, не знает, так как не умеет читать по-русски [24, л. 6–7]. Интересно, что среди более чем трех десятков книг, конфискованных у Бонке и Стружа, были не только сочинения известных авторов (Григория Данилевского, Макса Штирнера, Карла Маркса) и труды по актуальным темам рабочего движения или революционной борьбы, но и монография деятеля германского и международного рабочего движения Августа Бебеля «Антисемитизм и коллективизм в Германии».

В противоправительственной агитации обвинили летом 1907 г. сосланного в Нолинский уезд 20-летнего мещанина г. Ставрополя Хаима Санкевича. Пристав 2-го стана установил, что 9 июня в селе Лудяны собралось много крестьян для религиозных торжеств по поводу Троицкой субботы. Здесь же на сельской площади находились и ссыльные кавказцы в национальных костюмах. Вокруг них образовалась толпа около 50 человек, людей интересовало, что это за люди и почему они живут в селе. Внезапно подошел ссыльный Санкевич и начал «... разъяснять о роспуске Государственной Думы, о том, что высланы они за то, что стояли за крестьян, также говорил по поводу неправильного сбора с крестьян податей, порицал действия правительства...» [23, л. 6]. Пристав, увидев такую ситуацию, распорядился арестовать Санкевича и донести об инциденте прокурору вятского окружного суда, начальнику вятского жандармского управления и судебному следователю.

Против Санкевича дали показания трое крестьян, все они утверждали, что он критиковал правительство и его социально-экономическую политику. Санкевич был арестован и помещен в тюрьму города Нолинска. Оттуда он написал письмо начальнику вятского жандармского управления. Санкевич утверждал, что был арестован «по невежеству стражников», так как антиправительственной агитации никакой не было, а состоялся лишь частный разговор с некоторыми из крестьян. Ссыльные грузины не владели русским языком, поэтому именно Санкевичу пришлось пояснять за них, как они все оказались в Нолинском уезде. Прошение ссыльного Хаима Санкевича было рассмотрено, вскоре его освободили, но в Лудяне не оставили, а перевели в село Богородское, причем жил он теперь один, а не с другими ссыльными.

Не революционную, но общественную деятельность продолжила в Вятской губернии врач Эстер Гольде. В декабре 1898 г. она была на два года выслана из города Плоцка в уездный Орлов. 25-летняя Гольде имела хорошее образование: училась в Плоцкой гимназии, затем в Женевском и Парижском университетах, сдала экзамены на звание женщины-врача на медицинском факультете Московского университета. По прибытии на место ссылки Гольде добилась разрешения поехать в Вятку для покупки необходимых медицинских инструментов. Поскольку в Орлове «медицинская практика не может обеспечить в материальном отношении», то Гольде переехала в Слободской [8, л. 34]. Там она была допущена до работы в земской больнице и принимала участие в лечении стационарных больных.

Также Эстер подружилась с директором народных училищ Вятской губернии, известным просветителем и гуманистом Александром Красевым. Дважды (в июле и октябре в 1899 г.) Гольде отлучалась в Вятку и помогала ему по переводу на иностранные языки некоторых статей по народному образованию, предназначенных для Парижской выставки. На этой выставке в 1900 г. Вятская губерния была удостоена нескольких золотых медалей за успехи в деле просвещения. Вероятно, Гольде занималась переводом на французский язык монографии Красева «Краткий очерк возникновения и постепенного развития начальных народных училищ Вятской губернии с 1786 по 1896 г.». Эта книга была представлена на выставке в Париже на русском и французском языках [3, л. 72]. Далеко не каждый чиновник мог позволить себе такого рода взаимодействие со ссыльной, однако Красев имел репутацию человека с критическим подходом к российским реалиям, бескорыстного энтузиаста просвещения и сторонника повсеместного внедрения женского образования.

Несмотря на такую полезную деятельность, Гольде находилась в фокусе внимания полиции. Чиновников волновало, что ее товарищи по польскому освободительному движению присылают письма, а некоторые даже посещают Гольде в ссылке. Так, в июне 1899 г. в Вятку приехала ее подруга варшавская мещанка иудейского вероисповедания Цирния Баумригер. В ноябре 1899 г. Гольде было разрешено уехать в Плоцк помогать в лечении серьезно больной матери.

Отношения с местными жителями у ссыльных евреев были непростыми. С одной стороны, по «делу Санкевича» мы видим, что простые нолинские крестьяне могли скромными финансовыми пожертвованиями помочь ссыльному. При этом многие евреи жаловались на не самое доброе отношение к себе со стороны вятчан. Так, проживавший в селе Круглыжском Котельничского уезда Хаим-Берг Занц указывал в прошении губернатору: «...не могу приобрести себе работы, так как не имею никакого ремесла, а службы не могу достать, потому что каждый порицает за то, что я еврей...» [6, л. 10]. Чиновники разного уровня часто провоцировали местное население против ссыльных, указывая на то, что это люди другой культуры, религии, их можно и нужно унижать, так как они «бесправные». В Орловском уезде, где проживало много ссыльных евреев, исправник Зезюкин объявил местным торговцам, что принимать деньги нужно очень осторожно, так как ссыльные привезли с собой 2000 фальшивых рублей в монетах на 50 и 15 копеек. Такие, на первый взгляд, нелепые слухи в итоге порождали крайне настроенное отношение жителей уездов и волостей к ссыльным.

За два-три года ссылки в отрыве от родины, культуры и религии ссыльные меняли взгляды на жизнь. Некоторые отрекались от иудаизма и переходили в православие. Так, после трех лет ссылки в Котельниче принял крещение Абель Рудашевский, он получил имя Евгений Александров и был намерен уехать на место жительства в Уссурийский край [9, л. 58]. 21-летний варшавский мещанин Абель Бык не только перешел в православие под именем Виктор Павлов, но и женился на вдове из села Истобенского Марии Налетовой. При этом в Варшаве у него осталась супруга Мария. Когда в июне 1908 г. Павлов ходатайствовал перед губернатором о переводе его в Вятку, то получил отказ ввиду того, что женившись на состоятельной даме, он имеет возможность безбедно существовать и в Орловском уезде [17, л. 18]. От ссылки Павлов был освобожден только в апреле 1910 г. Также крещены были сосланные в Яранский и Уржумский уезды мещане Шая Цепелевич и Ревекка Ревзон.

Таким образом, в начале XX в. в Вятской губернии в ссылке оказались десятки евреев из разных регионов Российской империи. В основном это были образованные люди, молодые мещане из преимущественно больших городов, которых на срок в 2–3 года лишили права находиться на родине. В Вятской губернии ссыльные евреи направлялись в села и деревни Орловского, Малмыжского и других уездов, в Вятке появлялись лишь эпизодически. Местные власти не позволяли ссыльным жить и в уездных городах. Причины таких процессов заключались в попытке противостоять дестабилизации политической ситуации в городах, к тому же в годы Первой русской революции именно по крупным населенным пунктам прошла волна черносотенных погромов, имевших и антисемитскую направленность.

Жизнь евреев в вятской ссылке была очень тяжелой, они получали маленькое «кормовое» пособие либо его не выплачивали вообще, заработать деньги самостоятельно часто не представлялось возможным. Негативными факторами также был произвол местной администрации и ее чрезмерный надзор, недоверие со стороны вятчан, переживания по поводу оставшихся на родине членов семей, невозможность общаться с ними. Тем не менее многие ссыльные евреи выдержали все те трудности, с которыми им пришлось столкнуться, не от-

реклись от своей веры и политических взглядов. Некоторые из них в дальнейшем стали крупными общественно-политическими фигурами, например, теоретик меньшевизма Федор Дан (Гурвич) и врач, деятель польской социалистической партии Эстер Гольде. Лишь малая часть евреев осталась в Вятской губернии после окончания ссылки, как правило, они пытались вернуться в свои города и местечки либо эмигрировать за пределы России.

Список литературы

1. Николаева Т. К. Аронсоны в Вятке // Герценка: Вятские записки : [научно-популярный альманах]. Вып. 20. Киров, 2011. 272 с.
2. Луппов П. Н. Политическая ссылка и Вятский край. Москва, 1933. 206 с.
3. Помелов В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги : монография. Киров, 2007. 149 с.
4. Рашковский А. Л. Еврейская община в Вятском крае // Хлынов-Вятка-Киров. История и современность : историко-статистический сборник. Киров, 2014. 906 с.
5. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 582. Оп. 159. Д. 270.
6. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 269.
7. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 270.
8. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 356.
9. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 103.
10. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 384.
11. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 166. Д. 110.
12. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 72.
13. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 51.
14. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 112.
15. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 122.
16. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 123.
17. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 154.
18. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 612.
19. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 870.
20. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 886.
21. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 181. Д. 299.
22. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 320. Д. 72.
23. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 680.
24. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 941.
25. ЦГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 825.

Jews in political exile on the territory of Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries

Kasanov Anton Sergeevich

PhD in Historical Sciences. Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. Despite the fact that the topic of Vyatka political exile in pre-revolutionary Russia has been the focus of historians' attention for a long time, certain white spots remain in historiography to this day. There is a significant amount of research devoted to Catholics, immigrants from Poland, who found themselves in the Vyatka Governorate after the suppression of uprisings in the early 30s and 60s of the XIX century. At the same time, for a number of political and ideological reasons, the history of the exile of Russian Jews to various regions of Russia has remained unexplored for a long time. The formation of the Jewish community in Vyatka Governorate has not yet been the subject of a separate study. The purpose of the article is to study various aspects of the political exile of the Jews of the Russian Empire on the territory of the Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries. The objectives of the study were to count the number of exiles, study the geography of their origin, relations with the administrative and police apparatus of the provincial administration, distribution across the territory of the Vyatka-Kama region, adaptation to living conditions among the population of the Vyatka Governorate, political and social activities in conditions of repression, and so on. The implementation of research tasks was achieved on the basis of the use of materials extracted from the funds of the Central State Archive of the Kirov region. At the end of the article, it is concluded that the exile of Jews to the region was massive, most of them were sent to specific geographical points of the governorate (Oryol and Malmyzhsky counties), the exiles resisted the repressive system in the form of escapes, while remaining faithful to faith and political beliefs.

Keywords: Jews, political exile, pale of settlement, Vyatka province, political repression, Esther Golde, Fedor Dan (Gurvich).

References

1. Nikolaeva T. K. *Aronsony v Vyatke* [Aronsons in Vyatka] // *Gercenka: Vyatskie zapiski : [nauchno-populyarnyj al'manah]* – Hertsenka: Vyatka notes : [popular science almanac]. Is. 20. Kirov. 2011. 272 p.
2. Luppov P. N. *Politicheskaya ssylka i Vyatskij kraj* [Political exile and the Vyatka region]. M. 1933. 206 p.
3. Pomelov V. B. *Prosvetiteli Vyatskogo kraja: rossijskie deyateli kul'tury i mestnye uchenye-pedagogi : monografiya* [Enlighteners of the Vyatka region: Russian cultural figures and local scientists and teachers : monograph]. Kirov. 2007. 149 p.
4. *Rashkovskij A. L. Evrejskaya obshchina v Vyatskom krae* [The Jewish community in the Vyatka region] // *Hlynov-Vyatka-Kirov. Istoriya i sovremennost' : istoriko-statisticheskij sbornik* – Khlynov-Vyatka-Kirov. History and modernity : a historical and statistical collection. Kirov. 2014. 906 p.
5. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 582. Inv. 159. File 270.
6. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 269.
7. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 270.
8. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 356.
9. CSAKR. F. 582. Inv. 160. File 103.
10. CSAKR. F. 582. Inv. 160. File 384.
11. CSAKR. F. 582. Inv. 166. File 110.
12. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 72.
13. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 51.
14. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 112.
15. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 122.
16. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 123.
17. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 154.
18. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 612.
19. CSAKR. F. 582. Inv. 170. File 870.
20. CSAKR. F. 582. Inv. 170. File 886.
21. CSAKR. F. 582. Inv. 181. File 299.
22. CSAKR. F. 583. Inv. 320. File 72.
23. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 680.
24. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 941.
25. CSAKR. F. 721. Inv. 1. File 825.